

Корнилова Т.В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора

English version: [Kornilova T.V. The prospects of dynamic paradigm of psychology of choice](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В статье дается методологический анализ развития динамической парадигмы, принципов неопределенности и деятельностного подхода к психологии принятия решений, или психологии выбора. Демонстрируется ложность ряда дихотомий, влекущих за собой, казалось бы, методологические споры: является ли принятие решений выбором или внутренней деятельностью выбора, нужно ли различать рациональный и личностный выборы и т.п. Рассмотрены необходимость обращения к динамической парадигме (в противовес морфологической) и к дальнейшему раскрытию возможностей деятельностного понимания психологического опосредствования выбора. Идеи единства функционирования процессов интеллектуального и личностного опосредствования предполагают рассмотрение выбора как продуктивного, а динамические регулятивные системы – как единицы его психологической регуляции – включают динамически складывающиеся иерархии разных процессов.

Ключевые слова: принятие решений, выбор, динамическая парадигма, морфологическая парадигма, деятельностный подход, принцип неопределенности, субъективная неопределенность, динамические регулятивные системы, саморегуляция, новообразования

Психологическая регуляция принятия решений, или выборов человека в условиях неопределенности, включает на сегодняшний день ряд дихотомий: разведение понятий «принятие решений как выбор» и «выбор как деятельность», рациональный и личностный выбор, ситуационные и диспозициональные условия субъективной неопределенности и ряд других. Выделение разных предметов исследования при изучении выбора и интерпретационные предпочтения позволяют авторам настаивать на том, что преимущественно выбор определяется когнитивными структурами или личностными. Выходом из сложившегося положения дел, задаваемого соотношением концепций в рамках познавательного, мотивационного и праксиологического подходов (как их рассмотрел Ю.Козелецкий) [Козелецкий, 1979], является переход к динамической парадигме в психологических исследованиях, предполагающей поиск не структур, а динамически складывающихся иерархий регулятивных процессов. Перспективы здесь остаются и за теорией деятельности, если на основе деятельностного подхода эксплицируются теории так называемого среднего уровня, то есть предполагающие возможность эмпирической проверки гипотез о внутренних структурах психологической регуляции.

Вместе с тем принятие принципов *активности* и *неопределенности* демонстрирует необходимость выхода на другой путь – поиска не структурных (морфологических) единиц, а диагностической позиции по отношению к пониманию психологической регуляции выбора. Она исходит из принятия того положения, что ситуация не задает критериев психологической регуляции выбора и сам субъект не всегда знает основания своих выборов как иерархизации психологических процессов, стоящих за репрезентациями ему критериев его выборов. Построение психологической теории

принятия решений как теории среднего уровня предполагает расширение системы принципов психологии и изменение приоритетов в парадигмальных установках, конкретизирующих методологические основания развиваемых психологических моделей. В статье рассмотрен один из возможных вариантов такого динамического подхода – *мультипликативной и многоуровневой регуляции принятия решений, или выбора*, базирующийся на развитии идеи единства интеллекта и аффекта (Л.С.Выготский, О.К.Тихомиров) применительно к выбору (решению о выборе альтернативы) в ситуации закрытой задачи.

Ложные дихотомии в психологии принятия решений

В зарубежных психологических исследованиях понятия *принятия решений* и *выбора* функционируют в облики двух основных терминов [1] – Decision making и Choice. Причем в одной и той же книге название может включать один термин, а преимущественно используемым является другой [Hasti, Dawes, 2010]. Общей отличительной чертой психологической регуляции выбора, или принятия решений, является необходимость преодоления *неопределенности*, причем не только заданной ситуационными характеристиками, но и той субъективной неопределенности, которая связана со свойствами самого человека. Поэтому не случайно термин *субъективная неопределенность* переводится и как *неуверенность* [Grenier et al., 2005], хотя источники субъективной неопределенности могут пониматься по-разному [Канеман, Тверски, 2005; Солнцева, Корнилова, 1999 и др.].

Важным аспектом в психологии и методологии является понимание ситуации выбора как *закрытой* проблемы – в противовес *открытым* проблемам (более известным в психологии мышления). Однако уже Ю.Козелецкий [Козелецкий, 1979] отмечал, что альтернативы, между которыми выбирает человек, могут быть не только заданными, но и включать возможность их доформулирования; то есть поле альтернатив отнюдь не всегда полностью определено в так называемых закрытых задачах. Человек может находиться и в таких ситуациях, где часть альтернатив для возможного выбора задана, но возможно изменение ситуации додумываемыми новыми исходами. Этот автор указывал также на то, что расширение поля альтернатив требует одних свойств мышления (генерирования новых альтернатив), а анализ последствий их развертывания вглубь (прогнозирование изменений ситуации в результате выбора) – совсем других.

К.Поппер, выделивший в качестве специального предмета изучения методологические аспекты подходов к пониманию принятия решений и требовавший, в частности, различения *содержания* принятых решений (выбранных альтернатив) и *процедур* их принятия, настаивал на том, что поле альтернатив всегда открыто. Единственная вера, которую он считал необходимым защищать, – это вера в человеческий разум [Поппер, 1992].

Итак, разведение закрытых и открытых задач уже не выглядит четким, если в регуляцию выбора включается мышление человека. Выбора же без его рациональной составляющей не бывает: без интеллектуального опосредствования совершаются лишь случайные «выборы» (кавычки и означают, что собственно выбора не было, а имели место формы реактивного поведения или использование схем-клише). Я оставляю пока за скобками рассмотрения понятия «интеллектуальный» и «рациональный» (в концепциях классической и неклассической, логической и экологической, ограниченной и неограниченной рациональности) [Мамардашвили, 2011; Саймон, 1993; Gigerenzer, 1998; Weber, Johnson, 2009 и др.]. При этом достаточно утверждать, что мышление включено в личностную регуляцию выбора, а построение образа ситуации и оценивание альтернатив совершается думающим человеком.

Выбор делает человек думающий, но и выступающий при этом в качестве личности. Он прогнозирует не только развитие ситуации вследствие выбора им той или иной альтернативы, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора» [Корнилова, 2003]. Даже если известны альтернативы и заданы критерии выбора,

неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек. Человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой. Его понимание ситуации, целей выбора и личностное отношение к предпочтению или отвержению тех или иных альтернатив отнюдь не формализуемо по сути: личность не только *осмысливает*, но и *переживает* ситуацию выбора. Более того, она начинает восприниматься как ситуация выбора только при определенных условиях, что специально обсуждается при раскрытии личностного выбора в психологии переживания с позиций «жизненных миров» [Василюк, 1997].

Предпочтения в использовании терминов «рациональный» или «личностный» выбор связаны, с одной стороны, с тем, делается ли акцент на интеллектуальное или личностное опосредствование. Кроме того, важным оказывается, как понимается личностное опосредствование. Так, в мотивационной парадигме [2] принятие решений может рассматриваться с точки зрения регуляции процессов выбора со стороны мотивации или связанных с мотивами смыслов; тогда принятие решения, или выбор, рассматриваются как *деятельность* [Ломов, 1981; Леонтьев, Пилипко, 1995; Корнилова, 2002]. Однако обращение к понятию целевой регуляции для многих авторов не включает необходимости апеллирования к деятельностным структурам. Так, в модели Дж.Аткинсона термин *risk-taking* претендует не на раскрытие деятельностного опосредствования выбора, а лишь фиксирует изменение высоты трудности цели в зависимости как от мотивации, так и от субъективных вероятностей и валентностей достижения стоящих за выбором целей (в продолжение модели Левина–Эскалоны). В экзистенциальной психологии слово «выбор» предпочитается «принятию решений», например, это выбор в пользу неизвестного будущего [Мадди, 2005].

Итак, дихотомии «принятия решений» и «выбора», рационального и личностного выбора, выбора как деятельности и как процесса являются ложными. Они фиксируют направленность на те или иные аспекты изучаемого предмета, концептуальные предпочтения той или иной теории, но не принципиальные отличия изучаемого объекта [3], коим выступает выбор как принятие решения.

Множественная психологическая регуляция выборов человека

Исходные теоретические позиции, заданные *культурно-исторической* психологией и *смысловой теорией мышления*, от которых мы отталкивались в построении нашей концепции выбора как принятия решений, позволяют реконструировать такой фокус *саморегуляции*, как приложение *усилий в интеллектуально-личностном опосредствовании* выбора [Корнилова, 2011, 2013]. В отечественной литературе можно выделить работы, связывающие субъективную регуляцию выбора преимущественно с когнитивными процессами, включая метамышление [Карпов, 2000], либо с процессами актуализации личностного потенциала – от выборов между мотивами до свободы выборов как проявления самодетерминации личности [Леонтьев и др., 2011]. В отличие от этих концепций в нашей модели множественной и многоуровневой регуляции принятия решений предполагается *динамическая иерархизация* и когнитивных, и личностно-мотивационных процессов, опосредствующих выбор.

С выделением такой единицы регуляции выбора, как *динамические регулятивные системы* (ДРС), связано предположение о принципиальной (онтологической) неопределенности регулятивных иерархий, понимаемой как незаданность структур, на которые опирается субъект в процессе выбора. Только в динамике развития определенных этапов решения, средств принятия проблемы, оценивания ситуации, предвосхищения ее развития и т.д. можно говорить о соотношении уровней самосознания и неосознаваемой составляющей регуляции выбора, превалировании когнитивной ориентировки или личностного, мотивационно-смыслового контекста предпочтения того или иного решения. При этом для самого человека как субъекта своих решений эти составляющие неразделимы.

Это делает излишним предположения о каких-то особых источниках саморегуляции и предполагает

возможность разного соподчинения когнитивных (включая интеллектуальные) и личностных компонентов; а оценка приложенных при разрешении ситуации неопределенности усилий (отражаемых шкалой *новообразований*) позволяет характеризовать выбор как *продуктивное* принятие решений [Корнилова, 2013].

В отношении зарубежных работ отметим пока только один аспект. Ведущей в англоязычной литературе к 2000 г. стала книга «Рациональный выбор». Книга переиздавалась [Hastie, Dawes, 2010] и, как сказано в предисловии, пока не появилось другой, которая бы продемонстрировала смену исследовательских парадигм в области психологической регуляции выбора. Но в переиздании она завершается главами, в которых ведущую регулятивную роль заняли уже не когнитивные основания, а эмоциональные влияния и межфункциональные связи в определении направленности принимаемых субъектом решений.

Недавно вышедшая на русском языке последняя книга нобелевского лауреата Д. Канемана [Канеман, 2014], предложившего вместе с А. Тверски «перспективную» теорию (взаимосвязи двух систем работы «ума»), может служить удивительным примером того, как отстаивание когнитивистского подхода заставляет автора настойчиво переинтерпретировать всю фактологию принятия решений, в которой, несомненно, просматривается именно личностная регуляция выбора в условиях неопределенности. Напротив, первоначально работавший в рамках когнитивного подхода Д. Дернер перешел в анализе решения динамических комплексных проблем к выделению уровней эмоционально-личностной регуляции интеллектуальных стратегий выбора [Дернер, 1997]. Таким образом, преимущественная направленность интерпретации – тоже результат выбора. И принятие позиции в дихотомии «либо когнитивная – либо личностная» лишь тормозит осознание возможных типов психологической регуляции выбора.

Рассмотрение в качестве ведущей проблемы личностного выбора статус его как *свободного* затушевывало проблему других оснований его психологического опосредствования, что уводило от анализа взаимодействий интеллектуальных и многоуровневых личностных составляющих. В результате изучение процессов смыслообразования при личностном выборе исключало предположения о человеке думающем; и не случайно М.К. Мамардашвили видел проблему в возвращении уважения человеку думающему, «додумывающему» свои мысли [Мамардашвили, 2011].

Модели, реконструирующие когнитивную регуляцию выбора, выносили за скобки личностные факторы как отклоняющие решения от оптимальных стратегий. Разведением моделей на нормативные и дескриптивные шло, в частности, по линии возможных формализаций оснований рационального выбора как нормативного и выявления тех искажений, которые обусловлены эвристиками как «ловушками ума» (в теории Тверского–Канемана), мотивационными влияниями или другими личностными основаниями предпочтений субъекта, например, страстью к преодолению границ [Козелецкий, 1991]. Но в психологии концепции личностной регуляции выбора могут выглядеть только как дескриптивные модели, то есть описывающие варианты психологической регуляции выбора, отвечающие на вопрос, как люди принимают решения, а не как они должны их принимать. Человек не выступает «бессубъектным» *лицом, принимающим решения*, – ЛПР. Термин «ЛПР» функционирует именно в нормативных моделях, задающих идеальные стратегии выбора, в которых именно мыслящая личность выводится за скобки заданных нормативных стратегий. При осмысливании и оценивании ситуации выборов человеком (их построении, «конструировании») именно опора на собственный интеллектуально-личностный потенциал позволяет ему вносить ту «субъектную» составляющую, которая стоит за принятием и преодолением субъективной неопределенности. И это невозможно без определенного усилия, что ощущается часто самим человеком как «бремя выбора», а в психологических оценках подготовки выбора может фиксироваться психологическими новообразованиями.

В наших исследованиях понятие *принятие интеллектуальных решений* было введено как предполагающее, что опосредствованный мыслью человека — и в этом смысле *рациональный* —

выбор должен рассматриваться также и как *личностный*, поскольку при любом выборе актуализируется система опосредствующих его личностно-мотивационных процессов, иерархии которых выступают *новообразованиями*, возникающими в ходе его смысловой регуляции [Корнилова, Тихомиров, 1990]. И как нельзя противопоставлять личностную и когнитивную регуляцию выбора, так же не следует автономизировать *интеллектуальную* и *креативную* подготовку решений. Это продуктивно в исследовательских целях для уточнения изменяющихся в ходе личностной регуляции базисных процессов ориентировки в ситуации, что в школе О.К.Тихомирова называлось, в частности, структурирующей функцией мотива. Но когнитивно-мотивационные основания оценок альтернатив при выборе включены в целостные иерархии, где структурирующую функцию выполняет *самосознание личности*. Устанавливаемые связи личностной и интеллектуальной регуляции морального выбора с отношением субъекта к неопределенности (в измеряемых переменных толерантности / интолерантности к неопределенности или соответствующей латентной переменной Принятие неопределенности и риска выделяет *нравственное самосознание* личности в качестве ведущего уровня в возможных вариантах иерархизации опосредствующих выбор процессов [Корнилова, Чигринова, 2012].

Динамическая парадигма в противовес морфологической

В методологии психологии дихотомия морфологической и динамической парадигмы относится как к более широкой проблеме ориентировки психологических теорий на анализ структурно оформленных или динамических компонентов в активности человека, так и к раскрытию возможностей деятельностного подхода в психологии [Корнилова, Смирнов, 2013; Асмолов, 2002 и др.].

Ориентация авторов на разработку структурных составляющих в выделенном предмете изучения, подчиняющих себе его динамику, отличает так называемые морфологические подходы. Преимущественно с морфологической парадигмой и было связано развитие деятельностного подхода. Рассмотрение деятельности как относительно инвариантной системы, описать которую можно на разных уровнях, объединило разных исследователей, рассматривающих свой предмет изучения в заданной системе категорий процессуального ее осуществления. Однако при переходе к изучению процессов целеобразования и смыслообразования процессуально-динамический аспект стал выделяться как не сводимый к структурному.

А.Г.Асмолов и В.А.Петровский при выдвижении динамической парадигмы в исследованиях деятельности указали на необходимость расширения понятийного аппарата. «Единицами, характеризующими движение самой деятельности, являются *установка*, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, и *надситуативная активность*» [Асмолов, 2002, с. 255]. Таким образом, переход от морфологической парадигмы к динамической – в рамках общего деятельностного подхода – означает и изменение системы используемых базовых понятий, и изменение в понимании раскрываемых закономерностей, и изменение в принимаемых постулатах. Так, «постулат сообразности», стоящий за признанием целевой причинности в регуляции действия, может вести за собой в теории такие последствия как признание стремления к гомеостазу (левиновская теория), прагматизм или гедонизм. В то же время деятельность может быть понята как преобразующая активность, деятельность «самоизменяемая» (и самопричинная). Цель может пониматься в качестве причины, а может представлять лишь результирующим моментом в процессе целеобразования, на который действуют различным образом внешние, внутренние условия, а главное – движение самой деятельности. Активность, в свою очередь, может быть понята как один из моментов развертывания деятельностных структур, но может и выступить в качестве избыточного момента – преодоления личностью ситуативных ограничений и адаптивных побуждений.

Изменение точки зрения – с морфологической на динамическую – позволяет, на наш взгляд, в некоторой степени понять эту разделенность мира теорий как кажущуюся – возникшую из-за

недостаточного внимания к разработке теоретических звеньев, которые призваны связывать деятельностный подход (как общепсихологическую теорию верхнего уровня) с построением предмета эмпирических исследований, проведение которых предполагает разработку теории среднего уровня (с эксплицируемыми для верификации системами гипотез). Обратная сторона этого – не представленность тех конструктов, которые стали бы необходимыми основаниями такого перехода. При этом я имею в виду не расширение поля успешно функционирующих в рамках деятельностного подхода конструктов, не достраивание каких-то новых структурных единиц или уровней (такими могут, например, для кого-то выступать процессы метаконтроля или метапознания), а разработку в рамках теорий среднего уровня тех новых для теории деятельности (хотя, возможно и уже известных в психологии) понятий, применение которых поможет, в частности, перейти к динамическому пониманию «движения деятельности» и развитию исследований в тех точках роста, которые виделись автору теории деятельности проблемными (в первую очередь целеобразование [4] [Леонтьев, 1975]).

А.Н.Леонтьев в главе «Деятельность и личность» указал в качестве ведущей проблему соотношения общепсихологической теории деятельности и эмпирических (корреляционных в своем большинстве) исследований личности, поскольку за этим стоит проблема развития общепсихологической теории личности. Критикуя далее теории двух факторов, он выдвинул задачу «понять личность как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида, в результате преобразования его деятельности» [Леонтьев, 1975, с. 172]. Раскрытие процесса «самодвижения» деятельности, принятие идеи о порождении личности в деятельности «является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию» [Леонтьев, 1975, с. 173]. Эти предпосылки построения общепсихологической теории личности не ограничивают возможных теоретических построений и поиска тех новообразований, которые порождаются в деятельности. И здесь важными представляются следующие моменты.

Во-первых, разведение именно как *динамических* аспектов становления личности тех этапов, которые связаны с ее «рождением», и тех, в которых функционально опережающую роль в развертывании деятельности играют уже ставшие личностные особенности. Генетически и функционально-деятельностная детерминации личностного становления могут быть поняты как вполне разводимые процессы регулятивного типа – регуляция внутренних личностных структур со стороны деятельности и регулятивная роль личности в развертывании деятельностных структур.

Дифференциальная психология была сосредоточена именно на диагностике аспектов индивидуальных, индивидуальных и личностных свойств. Переход к изучению собственно личностной регуляции выбора предполагает развитие общепсихологического компонента теории, поскольку регулятивный аспект не может реконструироваться вне актуалгенеза изучаемых форм активности. Но также не может быть он представлен и без диагностики индивидуально-личностных свойств. Другое дело – как представить регулятивную роль тех или иных свойств. Это тоже невозможно вне учета объективных условий [5] движения деятельности.

Во-вторых, деятельностное опосредование становления личностных структур предполагает динамику надиндивидуального и индивидуального (не сводимого к внутриличностному). В структурах сознания, по Леонтьеву, именно *значения* ведут двойную жизнь – в их общественно-исторической и индивидуальной представленности. Надиндивидуального статуса не имеют чувственная ткань и личностные смыслы. *Личностные смыслы* в свою очередь двойственны, но иным образом: они понимаются и как индивидуальные репрезентации значений в сознании личности, и как отношение мотива к цели. Таким образом, не вполне определенными, а точнее не заданными однозначно выступают как линии становления индивидуальных репрезентаций значений, так и личностные смыслы, за которыми стоят даже не отдельные мотивы, а их глубинные иерархии. Динамическая иерархизация мотивов и целей – вот существенная, но не подчеркиваемая почему-то при обсуждении деятельностного подхода характеристика процессов целеобразования и смыслообразования.

Цели как осознанные предвосхищения будущих результатов действий также оказываются двойственными образованиями: с одной стороны, они определяются объективно со стороны мотива деятельности. С другой стороны, как осознанные предвосхищения – в рамках целеобразования и целедостижения – они сугубо индивидуальны (и внутриличностны).

Применительно к проблеме психологической регуляции принятия решений или выбора в условиях неопределенности динамический подход становится предпочтительным, поскольку, во-первых, в так называемых закрытых ситуациях (Decision making) процессы психологической регуляции максимально свернуты (и значит, встает вопрос об адекватности применения структурных единиц, что предполагала бы морфологическая парадигма). Во-вторых, само понимание принятия решений как совершаемых в условиях неопределенности, преодолевающих эту неопределенность, требует обращения к не менее значимому принципу, который еще только утверждается в психологии неопределенности, – принципу неопределенности [Корнилова, 2010; Корнилова, Смирнов, 2013].

Динамические регулятивные системы как единицы психологической регуляции выбора

Согласно нашей модели психологической регуляции выбора, понятие *саморегуляции* не может относиться как к специальной психической активности [Моросанова, 2002], так и широко понятому контролю поведения [Сергиенко и др., 2010]. Оно выступает для обозначения интеграционной оценки реализуемых человеком «пиков» функционального развития новообразований – подготовки и реализации – выбора. Это позволяет предполагать не отдельные базисные процессы саморегуляции (планирования, моделирования и т.д.), а многоуровневые динамические иерархии качественно разных процессов – как интеллектуальных, так и личностных, как отражающих ориентировку в ситуации и возможных целях и последствиях выбора, так и обращенных на себя – свое личностное Я, процессы самосознания и самостановления.

При методологическом анализе принципов построения концепций регуляции выбора важно было подчеркивать идею *открытости* ДРС в противовес моделям замкнутого регулятивного профиля [Корнилова, 2005]. При обращении к интегративной роли ДРС важным становится соотнесение принципов сознательной регуляции с метаконтролем и самооцениванием.

Указание на роль *метаконтроля* [Корнилова, 2009], понимание процессов принятия решений как «горячих» (в отличие от «холодных» когний), представление о личностном самоопределении как основании и результате решений человека – эти и многие другие еще не названные отличия процессов выбора от других психологических феноменов являются лишь следствием следующей характеристики актуалгенеза решений в ситуации Decision Making. В ситуации выбора человек доопределяет ситуацию неопределенности как субъект, реализующий возможности своего интеллектуально-личностного потенциала.

Гипотезы (1) о *динамическом* изменении единиц подготовки выбора, об их *многоуровневости* как с точки зрения движения от имплицитных теорий субъекта до уровня самосознания, так и с точки зрения *иерархизации* процессов интеллектуального и личностного оценивания, (2) о взаимодействии этих составляющих в процессуальном становлении систем регуляции выбора изменяют наполненность конструкта саморегуляции, становящемуся интерпретационным понятием. Таким образом, согласно идее динамической регуляции процессов, опосредствующих решения, то есть при понимании ДРС как динамических иерархий, нет необходимости в предположениях об отдельных процессах «саморегуляции».

Методологические предпосылки и следствия понимания ДРС как единиц психологического опосредствования выбора предполагают, таким образом, включенность в них разных и разноуровневых процессов, обеспечивающих актуалгенез принятия решений (как продуктивных решений). Саморегуляция предполагает активность субъекта решения, не обязательно осознаваемое

им образование регулятивных профилей, определяющих психологическое опосредствование выбора. Образование ДРС – это становление парциальных систем, включающих как когнитивные, так и личностные компоненты регуляции.

Конструкт неопределенности

Неопределенность в психологии связывалась с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления; не повторяются не только движения, не повторяются одни и те же решения [Зинченко, 2007]. М.К.Мамардашвили настаивал, что живое – в *акте*, в акте мышления или свершения (остальное – «мертвечина»). Мы подошли позже к пониманию неопределенности как незаданности иерархий процессов, фокусируемых *динамическими регулятивными системами* – ДРС, в которых осуществляется динамическое структурирование всех опосредствующих выбор процессов, как когнитивных, так и эмоционально-личностных.

Введение конструкта неопределенности не является необходимым при направленности теоретических и исследовательских усилий в рамках морфологической парадигмы. Но без него оказываются трудно объяснимыми моменты движения деятельности или регулятивной функции личностных новообразований.

Не касаясь проблем смыслообразования и самосознания, влекущих за собой целый сонм проблем личностного самоопределения, остановлюсь только на различном понимании регулятивной роли *личностных ценностей*. Почему-то в отечественной психологии устоявшимся стало понимание их как стабильных регуляторов поступка. Считается, что действие или выбор своей направленностью репрезентируют регулятивную роль той или иной ценности (а если ценность не проявляется, то значит она и не ценность). Даже если согласиться с идеей стабильности применительно к самосознанию личности (что при динамической парадигме совсем проблематично), то понимание личностных ценностей как *вершинных* – сознательно принятых личностью ценностных ориентиров совсем не обязательно предполагает, что они проявляются всегда и везде. И дело не в том, что диспозициональные и ситуативные факторы регуляции деятельности взаимодействуют, а в том, что реальные действия (или решения) предполагают разное отношение личности к возможности проявления своего Я. Разрешение себе проявлять тот или иной уровень личностной регуляции также выступает моментом движения деятельности, причем в высшей степени неопределенным.

Произвольность неразрывно связана с обратимостью выбора, предполагающей, что человек волен как принять, так и отказаться от альтернативы, не следуя при этом только ситуационным условиям, но и не выступая полем взаимодействия мотивационных сил или проявлений тех или иных личностных черт. Принятие же решений (включая процессы свободного волеизъявления и самоопределения личности) необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не говоря об отличиях объективных и субъективных ее репрезентациях).

Однако построение психологических объяснений не диктуется прямо разделяемыми принципами. И исследования «движения деятельности» могут находить те аспекты и повороты тем, которые будут соотносить психологическое объяснение с привлечением других принципов. Принципы детерминизма, деятельностного опосредствования, единства сознания и деятельности, стоящие за теорией деятельности, не означают отказа от принципа *активности*, что показано применительно к активности познания и личности (А.Г.Асмолов, С.Д.Смирнов и др.). Указанное К.А.Абульхановой-Славской [Абульханова-Славская, 1980] соположение теорий деятельности и подходов к пониманию принятия решений, целеобразования и саморегуляции лишь фиксирует возможность внедеятельностного понимания сложных форм активности и не отрицает возможности реализации по отношению к ним деятельностного подхода.

Формирование нового принципа понимания мира, картины мира и человека в нем – *принципа*

неопределенности – имело истоки и в преобразовании научных идеалов рациональности в философии науки (М.К.Мамардашвили, В.С.Степин, В.А.Лекторский и др.), и в развитии в рамках самой психологии проблем детерминизма-индетерминизма, субъективного и объективного, а также в построении новых по типу психологических моделей, включивших обращение к понятию *субъективной неопределенности, толерантной личности и толерантности к неопределенности*. Новая область психологических исследований – *психология неопределенности* – стала подготавливать развитие иных объяснительных парадигм, чем базировавшиеся на традиционно принятых принципах *детерминизма и единства сознания и деятельности*. Именно по отношению к последнему из названных принципов О.К.Тихомиров предполагал необходимость его переосмысления в свете *нового мышления* в самой психологии [Тихомиров, 1992], что подразумевает развитие системы психологических понятий и новых интерпретационных схем.

Как идеи многомерности сознания и системных связей в нем не являются прерогативой только деятельностного подхода, так и идея *множественной регуляции* не обязательно должна быть понята как постулирование множественности центров индетерминизма. Индетерминизм может быть соотнесен с уровнем активности для целостного представления о субъекте, который доопределяет ориентиры своих действий и решений. И это будет предполагать также выход в другие объяснительные контексты – культурно-исторической и деятельностной детерминации сознания, *субъективного принятия неопределенности* и преодоления ее посредством *саморегуляции*.

Активность и конструктивность в построении альтернатив и критериев дает человеку те внутренние средства, на которые он опирается при выборе и посредством конкретизации которых «личность делает себя своими решениями». Психологические орудия конструируются субъектом в ходе выбора, и их применение как новообразований может быть прослежено в двух разных контекстах – структурирования в динамических регулятивных системах (ДРС) иерархии процессов, опосредствующих выбор, и контроля приемлемости-неприемлемости тех или иных оснований выбора (прогноза не только развития ситуации при выборе альтернатив, но и той *личностной цены*, которую они требуют).

Загадка «субъектной составляющей» в разрешении ситуации неопределенности при *принятии решений*, где трудность психологического анализа заключается именно в выделении морфологических структур, опосредствующих выбор деятельности, может находить свой ответ, а точнее множество ответов, по мере раскрытия тех индивидуальных динамических регулятивных профилей, в которые входят множественные процессы – как когнитивной, так и личностной регуляции выбора [Chumakova, Kornilov, 2013].

Заключение

Принятие динамической парадигмы в исследованиях принятия решений изменяет отношение к психодиагностическому арсеналу психологии. В психологическом исследовании безотносительно к актуалгенезу определенных действий или выборов субъекта – как актов преодоления неопределенности – можно измерять личностные свойства или показатели интеллекта, но не показатели психологической их регуляции или саморегуляции. Сам спектр диагностируемых свойств также изменяется, поскольку в условиях неопределенности проявляются не преимущественно изученные в психологии черты и свойства, а те свойства, которые отличают личностные проявления именно в условиях неопределенности: это толерантность-интолерантность к неопределенности, рациональность и готовность к риску, готовность полагаться на интуицию и бдительность и т.д. Дихотомия ситуационизма-диспозиционизма уступает при этом место принципу функционального объединения разноуровневых факторов в единых ДРС.

Понятие ДРС фокусирует не только апелляцию к общенаучному принципу системного анализа или системной детерминации. Главное – оно включает предположение о конкретном соподчинении процессов разноуровневой регуляции выборов как средств преодоления субъективной

неопределенности ситуации. Соответственно меняется суть исследовательского подхода: эти иерархии нельзя постулировать заранее, они должны еще быть идентифицированы именно как новообразования в ходе подготовки решений и действий; причем апелляции к самосознанию будут явно недостаточно, поскольку сам субъект может не знать о психологическом содержании этих иерархий. Тем самым получает следующее решение вопрос о связи осознанности и саморегуляции: осознаются процессы представленности личностного Я в своих решениях, но не осознаются регулятивные системы, конкретизирующие когнитивные и личностные основания выборов.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Василюк Ф.Е. Психотехника выбора. В кн.: Д.А. Леонтьев, В.Г. Щур (Ред.), Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 283–313.

Дернер Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? В кн.: А.К. Болотов (Ред.), Человек в ситуации неопределенности. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСР, 2014.

Канеман Д., Тверски А. Варианты неопределенности В кн.: Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.

Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. Ярославль: Институт психологии РАН, 2000.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Козелецкий Ю. Человек многомерный. Киев: Лыбедь, 1991.

Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского. В кн.: Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л.Рубинштейна. М.: Институт Психологии РАН, 2009. Т. 2, ч. 1, с. 30–40.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений. Психологический журнал, 2005, 26(1), 7–17.

Корнилова Т.В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002. С. 172–213.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности: основания и проблемы. Психологические исследования, 2010, 3(11). [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru).

Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. Психологический журнал, 2013, 34(3), 89–100.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

Корнилова Т.В. Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности. В кн.: В.И. Моросанова (Ред.), Психология саморегуляции в 21-м веке. М.: Нестор-История, 2011. С. 142–162.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2013.

Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Моск. гос. университет, 1990.

Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов. Психологический журнал, 2012, 33(2), 69–87.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможность формирования. Вопросы психологии, 1995, No. 1, 97–110.

Ломов Б.Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений. В кн.: Б.Ф. Ломов (Ред), Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М.: Наука, 1981. С. 5–20.

Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решений. Психологический журнал, 2005, 26(6), 87–101.

Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2011.

Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека. Психологический журнал, 2002, 23(6), 5–17.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992.

Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления. Альманах THESIS. Мир человека, 1993, No. 5, 16–37.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010.

Солнцева Г.Н., Корнилова Т.В. Риск как характеристика действий субъекта. М., 1999.

Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: Моск. гос. университет, 1992.

Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2010.

Chumakova M.A., Kornilov S.A. Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles. Psychology in Russia: State of the Art, 2013, 6(4), 94–108.

Grenier S., Barrette A-M., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences. Personality and Individual Differences, 2005, 39(3), 593–600.

Gigerenzer G. Ecological intelligence: an adaptation for frequencies. In: D.D. Cummins, C. Allen (Eds.), The evolution of mind. Oxford: Oxf. Univer. Press, 1998. pp. 9–29.

Hastie R.K., Dawes R.M. Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. CA: SAGE, 2010.

Weber E.U., Johnson E.J. Mindful judgment and decision making. Annual Review of Psychology, 2009, 60(2), 53–86.

Примечания

[1] Я оставляю вне рассмотрения немец. Entscheidungen и англ. Deciding, переводимые на русский как «решения» и отличающие контекст выбора решения по отношению к контексту решения проблем (Problem Solving).

[2] Козелецкий выделял познавательную, мотивационную и праксиологическую парадигмы в зависимости от того, ведущим выступает в концепции тех или иных авторов когнитивный аспект регуляции выбора, мотивационно-личностный или аспект реализации – совершения действия выбора в практическом плане [Козелецкий, 1979]; последнее переводит проблематику принятия решения в другую область – психологии воли.

[3] Мы используем при этом то различие предмета и объекта исследования, которое восходит к работам Юдина и изложено нами в учебнике [Корнилова, Смирнов, 2013].

[4] А.Н.Леонтьев писал, что в реальной жизни «целсообразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта» [Леонтьев, 1975, с. 106]. И это движение связывалось им с «апробированием целей действиями», которое не сводится к одномоментному акту, а процессуально разворачивает их предметное наполнение.

[5] Так, свойства характера как сложившиеся, «отчеканенные» в привычках действовать определенным образом черты не выполняют своей регулятивной роли в условиях неопределенности, которые обозначаются именно как требующие действий и решений при неполноте, новизне и противоречивости ориентиров.

Поступила в редакцию 7 июня 2014 г. Дата публикации: 26 августа 2014 г.

Сведения об авторе

Корнилова Татьяна Васильевна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра общей психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: tvkornilova@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Корнилова Т.В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора. Психологические исследования, 2014, 7(36), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Корнилова Т.В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1013-kornilova36.html>

[К началу страницы >>](#)